

18+

АНДРЕЙ СТАРОДУБЦЕВ

ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ – 2

ЧАСТЬ 2

Андрей Стародубцев

Правда или ложь — 2. Часть 2

<https://litres.ru/74150173>

ISBN 9785007005180

Аннотация

Перед читателем вторая часть романа «Правда или ложь?». Программист Майкл, потерявший всё в результате загадочной аварии, находясь в состоянии комы, балансирует на грани жизни и смерти — а его сознание создаёт тысячи реальностей. Он блуждает по мирам собственных страхов и мечтаний. Чтобы вернуться в явь, ему нужно найти точку, где все реальности сходятся. Но что, если ключ к спасению — тот самый алгоритм, который должен был сделать мир идеальным?

Содержание

Глава 2 Кэтрин	12
Глава 3 Наперекор судьбе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Правда или ложь — 2

Часть 2

Андрей Стародубцев

© Андрей Стародубцев, 2026

ISBN 978-5-0070-0518-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-0519-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Пепел старого мира.

«Судьба не ошибается — она лишь доводит до конца то, что было заложено в начале».

Вы, наверное, ждёте какой-то привычной истории — с чёткой завязкой, кульминацией и счастливым финалом. Так вот: моя жизнь — не такая. История моей жизни, которую я вам сейчас расскажу, мало похожа на то, чего вы, возможно, ждёте от меня услышать. В ней нет триумфальных побед, блестящих открытий или вдохновляющих поворотов судьбы. Но мне есть чем вас удивить — хотя, признаться, такой задачи я перед собой не ставлю.

Меня зовут Майкл, и я — программист. Когда-то я мечтал

сделать мир идеальным — не просто улучшить его, а выстроить безупречную систему, где каждый элемент занимает своё место, а хаос уступает место порядку. И однажды эта мечта почти осуществилась: алгоритм, над которым я работал годами, начал давать первые результаты. Мир словно замер в ожидании — вот-вот, ещё чуть-чуть, и всё изменится...

Но нелепая авария разделила мою жизнь на «до» и «после». В один миг всё, что имело значение, рассыпалось в прах. Мечты, любовь, надежды — лишь пепел, развеянный ветром судьбы. Я возомнил себя творцом, архитектором новой реальности, — и тут же потерял всё: работу, близких, самого себя.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, я лежу в палате интенсивной терапии в состоянии клинической смерти — балансирую на грани между жизнью и забвением. Монитор рядом мерно пикает, фиксируя редкие всплески активности мозга, а врачи шепчутся за дверью, обсуждая шансы, которых, кажется, уже нет. Но какой у меня выбор? Лежать и ждать, пока нить, удерживающая меня в этом мире, окончательно оборвётся? Или попытаться понять, что произошло на самом деле?

Прошли годы, прежде чем я осознал одну страшную истину: та авария была не случайностью. Всё было подстроено — слишком много мелких деталей указывали на это. Слишком много «совпадений», слишком много нестыковок в официальной версии.

Моя новая реальность превратилась в игру — жестокую, изошрённую. Игру, где ложь звучит убедительнее правды, где каждый шаг просчитан кем-то другим, а мои собственные решения оказываются лишь иллюзией выбора. Здесь правила диктуют не логика и разум, а скрытые механизмы, управляющие событиями за кулисами. И из этой игры у меня, кажется, нет выхода.

Но что, если выход — это не побег, а понимание? Своего рода принятие неизбежного. Что, если ключ к освобождению кроется в том самом алгоритме, который когда-то должен был сделать мир идеальным? Возможно, именно он — и причина, и решение. Нужно лишь вспомнить... вспомнить всё.

За те три года, что я провёл в состоянии комы, я пару раз приходил в сознание — краткими, обрывочными вспышками, — а затем снова погружался в бессознательное восприятие иной, чуждой реальности, в которой наблюдал различные интерпретации происходивших со мной событий.

Каждый выход из забытья напоминал пробуждение от долгого сна, когда ещё не понимаешь, где заканчивается сновидение и начинается явь. В первый раз я открыл глаза — или мне показалось, что открыл, — и увидел потолок палаты: желтоватый, с едва заметной трещиной, тянущейся от угла к центру. Рядом слышалось монотонное пиканье аппарата, поддерживающего жизнь в моём неподвижном теле. Но это длилось всего несколько мгновений — а потом мир дрогнул,

расплылся, и я очутился в другом месте.

В той реальности я жил обычной жизнью. Я ходил на работу, встречался с друзьями, спорил с Кристиной из-за мелочей — например, из-за того, куда поехать в отпуск. Всё казалось до боли настоящим: запах свежесваренного кофе по утрам, скрип половиц в нашем доме, тепло её руки в моей. Но чем дольше я там находился, тем больше замечал странностей.

Однажды я увидел как мы с Кристиной на пляже в месте, где мы никогда не были, я с незнакомым ребёнком на руках, будто это мой сын...

Эти нестыковки накапливались, как трещины на стекле, угрожая расколоть иллюзию. Я начал подозревать, что эта жизнь — лишь одна из множества версий, созданных моим сознанием в попытке осмыслить то, что произошло до комы. Каждая реальность предлагала свой ответ: в одной я был успешным бизнесменом, в другой — программистом, в третьей — человеком, который никогда не встречал Кристину.

Во время второго пробуждения я уже отчётливо понимал: что-то не так. Я лежал, не в силах пошевелиться, но мысли текли ясно. Врачи говорили обо мне в третьем лице, обсуждали шансы на восстановление. Их голоса доносились будто издалека, сквозь толщу воды. А потом — снова падение, снова переход в иную реальность. На этот раз она была мрачнее: остров, улицы которого казались пустынными, небо — свинцово-серым, а люди — тенями без лиц. Я шёл по городу

и чувствовал, как время здесь течёт иначе: минуты растягивались в часы, а воспоминания путались, смешиваясь с чувствами. Там я познакомился с Майей, девушкой из моих снов. Там же я потерял её.

Я начал осознавать: эти миры — не просто сны. Они были связаны с моей жизнью, с моими страхами и сожалениями. Каждый из них отражал какую-то часть меня — то, что я потерял, то, чего боялся, то, о чём мечтал. И чем глубже я погружался, тем яснее понимал: чтобы вернуться по-настоящему, мне нужно найти ту точку, где все эти реальности сходятся. Точку отсчёта. Истинную реальность.

Сейчас, лёжа в палате, я чувствую, как границы между мирами истончаются. Память возвращается обрывками, но вместе с ней приходит и сила — сила сделать выбор. Я больше не буду пленником чужих интерпретаций. Пора проснуться. По-настоящему.

Сейчас моя единственная цель — найти выход из этого лабиринта, в котором я оказался. Он не из камня и не из стен: он соткан из теней сомнений, тупиков страха и зеркальных отражений ложных путей. Каждый поворот кажется знакомым, но ведёт в никуда.

Что будет потом? Я не знаю. Но сейчас я отчётливо понимаю одно: если я проиграю в этой игре — не просто уступлю, а именно проиграю до конца, без шанса отыграться, — то уже ничто не будет иметь смысла. Никогда.

Я оказался в странном состоянии — врачи называют его

клинической смертью или комой. Но для меня это стало чем-то вроде пограничья, где я одновременно существую в двух мирах.

Ощущения, мягко говоря, не из приятных. Ты видишь всё со стороны — будто завис в воздухе, прозрачный и бесплотный. Ты больше не участник, а лишь свидетель: люди проходят сквозь тебя, не замечая, словно ты — всего лишь дуновение ветра или тень на стене. Их движения, жесты, мимика — всё перед тобой, как на экране, но ты не можешь ни окликнуть, ни коснуться, ни вмешаться.

Вместе с тем обострилось моё восприятие — словно отголоски этого нового мира, столь непохожего на мой прежний, проступали сквозь привычную реальность. Я ощущал всё по-новому: запахи стали пронзительнее, звуки — объёмнее, а цвета будто приобрели дополнительные оттенки, невидимые прежде. Мир людей теперь имел иные, совершенно новые для меня свойства.

Я начал замечать внутренний свет, исходивший от них, — незримую ауру, и она у каждого была своя, неповторимая. У кого-то сияла ярко, подобно пламени свечи в тёмной комнате, переливаясь золотистыми и голубыми всполохами. У других же едва тлела, словно последние угли в остывающем камине, бросая тусклые багровые отблески. Запахи тоже изменились: кто-то источал аромат дорогого парфюма с нотами сандала и бергамота, кто-то — тяжёлый, затхлый запах давних грехов, а иные несли с собой леденящее дыхание

смерти, едва уловимое, но оттого не менее пугающее.

При этом ты чувствуешь их — не физически, а на каком-то глубинном, почти мистическом уровне. Ты улавливаешь их настроение, их внутреннюю ауру, то, чем они наполнены изнутри. Это похоже на сверхмощный рентген, который просвечивает не кости и органы, а душу: ты видишь её цвет, плотность, вибрации.

Одни люди напоминают открытый холодильник с просроченными продуктами — тусклые, затхлые, пропитанные завистью, страхом, злобой. Я мысленно называю их «просроченными». От них исходит тяжёлый, давящий холод — как от сырой стены в заброшенном доме. Проходя мимо, они оставляют за собой след, похожий на масляное пятно на воде: он расплывается, липнет к тебе, и ты невольно вздрагиваешь, стараясь отстраниться.

Совсем другое дело — влюблённые. Они вспыхивают в этом сером потоке, как первые весенние цветы. Их аура переливается всеми оттенками радуги: нежно-розовым, золотисто-жёлтым, бирюзовым, как небо после грозы. От них веет теплом и светом, словно от только что растопленной печи в морозный день. Их энергия пахнет подснежниками, талым снегом и солнечными лучами — и на мгновение ты забываешь, где находишься.

Постепенно я привык к своему новому положению — к тому, что я теперь словно изгой в мире людей. Бесплотный, невидимый, лишённый голоса. Врачи по очереди подходят

к моему телу, осматривают, качают головами, переговариваются тихими, осторожными голосами. Потом отходят, запишывают что-то в карты и уходят — один за другим. Ничего не меняется. Совсем. И к этому я тоже привык, потому что выбора у меня нет.

Моя жизнь превратилась в один бесконечный, бессмысленный сон — вязкий, тягучий без пробуждения, без надежды из которого, казалось, нет выхода... Я и сам выглядел не лучше — застывший, подвешенный между мирами, наблюдающий, чувствующий, но не живущий.

Я лежал — вернее, моё тело безвольно распростёрлось на жёсткой больничной койке, — а я сам сидел рядом и пристально смотрел на него. Было неловко, почти стыдно: оно пребывало в таком беспомощном состоянии, а я, свободный от его оков, ничего не мог сделать. И всё же я был в поисках решения, ответа — что дальше? Он пульсировал где-то на краю сознания, манил, звал к действию.

Все, кто описывал состояние в коме, были не до конца откровенны. Они упускали нечто важное — то, что я ощутил в полной мере. Помимо собственных чувств и мыслей, здесь присутствовали иные сущности, скользили по граням реальности, шептали что-то едва уловимое. Я почувствовал это особенно остро, когда услышал:

— У тебя не получится...

Глава 2 Кэтрин

Проводник — это мост, который существует между мирами, но не принадлежит ни одному из них.

Я отвлёкся от созерцания своего тела и резко обернулся в сторону, откуда донёсся голос. Вокруг не было привычных людей в физических телах — ни врачей, ни медсестёр, ни посетителей. Лишь одна фигура, такая же, как я. Говоря «такая же», я не имею в виду обычного человека, как это принято считать.

Передо мной стояла прозрачная, но вполне отчётливая сущность — миловидная женщина с тонкими чертами лица и безмятежным взглядом. Её облик сохранял индивидуальность: она была красива той вечной, вневременной красотой, что не зависит от возраста. Одета она была просто — в лёгкое платье пастельного оттенка и тонкий кардиган, какие сейчас носят в прохладные дни. Волосы, уложенные в небрежную причёску, слегка мерцали, словно сотканые из лунного света. Она стояла в пяти шагах от меня и загадочно улыбалась — улыбка её таила в себе одновременно и сочувствие, и предостережение, будто она знала что-то, чего пока не дано было понять мне.

— Простите? — произнёс я, лишь бы нарушить неловкую тишину, голос прозвучал непривычно глухо, будто доносил-

ся издалека.

Её улыбка стала чуть шире, в уголках глаз собрались тонкие лучики морщин — не от возраста, а словно от затаённого веселья.

— Ты не сможешь, — повторила она, и в этих словах прозвучала не угроза, а спокойная уверенность человека, знающего непреложный факт.

— Что не смогу? — я встал и невольно сделал шаг назад, но пространство вокруг будто сжалось, не позволяя отдалиться.

Она сделала шаг навстречу — плавный, почти танцующий, беззвучный, как движение тени на стене. Затем ещё один, и ещё, пока не оказалась почти вплотную ко мне. Её рука, лёгкая и невесомая, коснулась моей щеки.

Я вздрогнул — и тут же замер, поражённый ощущением. Она была тёплой. Именно тёплой — это чувство резануло по нервам, выбиваясь из привычной картины. Большинство тех, кого я наблюдал здесь — вероятно, пациенты этой клиники, — источали холод. Они скользили мимо меня, бросая подозрительные взгляды, и исчезали в туманных переходах между мирами. Их ауры мерцали тускло, как угасающие звёзды, а прикосновения, если случались, оставляли после себя озноб и пустоту.

Но эта женщина была иной. В ней чувствовалась жизнь, сила, знание. Она вела себя так, словно знала обо мне всё — от первого крика при рождении до того самого конца, о

котором я и сам пока не имел ни малейшего представления.

Я осторожно убрал её руку от своего лица и выпрямился во весь рост. Теперь наши глаза оказались почти на одном уровне. В её взгляде я уловил искры веселья — не злорадного, но какого-то отстранённого, словно она наблюдала за экспериментом, исход которого заранее предreshён.

— Я не понимаю... — начал я, стараясь унять дрожь в голосе и надеясь выудить хоть крупицу информации о том, чего сам пока не мог осознать.

— Майкл, — она склонила голову набок, и в этот момент мне показалось, что она заглянула прямо в душу — туда, где клубились мои страхи, метались сомнения и притаились самые тёмные демоны. — Ты здесь ненадолго и скоро уйдёшь. Я вижу тебя насквозь: твои желания, надежды, страхи. И я знаю, чем именно они закончатся. И да — ты не сможешь ничего *изменить*.

Эта мысль пришла ко мне внезапно, подобно яркой вспышке молнии в тёмном небе моего сознания. Я вдруг осознал всё с такой кристальной ясностью, что едва не рассмеялся — настолько простым и очевидным оказалось то, чего я не замечал раньше. Решение лежало прямо передо мной: протяни руку — и оно исполнится, стоит лишь поверить.

Я всмотрелся в её бесцветные глаза — они напоминали предраассветное небо, где редкие звёзды ещё не успели погаснуть. В них мерцали искорки, похожие на далёкие светила, пульсирующие в ритме неведомого космоса. Кто она? Отку-

да знает моё имя?

— Я — Кэтрин, — прозвучало в тишине больничной палаты. Просто и в то же время обворожительно.

И тут я осознал: она не открывала рта. Звука не было. Но я слышал ее! Это было невероятно! Я слышал её мысли — ясно, отчётливо, словно они вливались прямо в сознание.

Ощущение напомнило внезапное прозрение. Представьте: вы как обычно слушаете музыку. У вас нет музыкального слуха — вы не отличите ноту *до* от ноты *ля*. И вдруг — щелчок. Вы не просто слышите мелодию, а различаете каждую ноту, улавливаете ритм, чувствуете малейшую фальшь, когда в аккорде рука гитариста случайно дрогнула. С этого момента вы больше не можете просто слушать музыку, беспечно наслаждаясь лишь мотивом и голосом певца. Теперь вы следите за каждым звуком, анализируете технику, замечаете, что солист не так уж хорош — его вокал слаб, он фальшивит на высоких нотах. Это другое измерение, новый уровень восприятия, от которого уже не вернуться к прежнему.

— Не могу? Но почему? — выдохнул я, чувствуя, как внутри закипает смесь отчаяния и упрямого сопротивления.

Кэтрин чуть склонила голову, её улыбка стала мягче, почти сочувственной.

— Потому что правила установлены не тобой и задолго до тебя, Майкл, — произнесла она. — И ты — лишь часть той большой игры, где каждый ход уже расписан. Но не бойся... у каждого есть шанс увидеть истину. Пусть и по-своему. Во-

прос лишь в том, готов ли ты её принять.

Она медленно отвернулась от меня и устремила взгляд на моё тело, безжизненно распростёртое на больничной койке. В её фигуре появилась какая-то новая тяжесть, словно сама реальность вокруг неё сгустилась, стала плотнее.

— Ему осталось недолго, — произнесла она глухо, и голос её теперь звучал не как раньше — в нём зазвучали низкие, вибрирующие ноты, от которых по спине пробежал ледяной озноб. — И ты не спасёшь то, что уже мертво. Просто твой мозг, твоё сознание ещё цепляется за эту жизнь, но это пройдёт. Ты должен принять произошедшее как свою судьбу.

Она вновь повернулась ко мне — и я отшатнулся. В её глазах больше не было ни веселья, ни сочувствия. Это были глаза Смерти: чёрные, бездонные, поглощающие свет. От неё повеяло таким пронизывающим холодом, что воздух вокруг словно заледенел, а дыхание вырывалось изо рта облачками пара.

— Кто ты? — сорвалось у меня, едва она подняла руку и протянула её ко мне.

Я отпрянул, словно от обжигающего пламени. Она снова улыбнулась — но теперь в этой улыбке не было ничего человеческого.

— Я та, кто заберёт тебя, как только ты перестанешь цепляться за иллюзию, — её голос проникал прямо в сознание, обволакивал, давил. — Ты застрял между мирами, Майкл, но я облегчу твои страдания — только попроси меня.

— Я не понимаю... — снова прошептал я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Улыбка мгновенно исчезла. Её лицо превратилось в бесстрастную маску, а в комнате произошло нечто жуткое: стены покрылись тонким слоем инея, который расплзался причудливыми узорами, словно морозные пальцы скользили по поверхности. Лампочка под потолком замерцала, замигала, отбрасывая неровные тени.

— Майк! — её голос прозвучал резко, хлестко, как удар кнута. — Ты мёртв... Пойми это уже наконец и смирись. Та авария — ты погиб в ней. Твой мозг ещё живёт, но тело — нет! Почему ты всё ещё цепляешься за него? Что тебя держит здесь?

Она пристально взгляделась в мои глаза, пытаясь отыскать причину моего странного упорства, прочесть то, что я сам не мог до конца осознать.

— Вижу, ты в замешательстве... — она чуть склонила голову, и в этот миг иней на стенах заиграл голубоватым светом. — Я поясню. Те из вас, кто испытал клиническую смерть, могут вернуться обратно в мир материи — но не ты. У тебя, в отличие от них, нет незавершённых дел. Ты закончил свой путь и можешь закрыть за собой эту дверь вместо того, чтобы стоять в проходе и постоянно оглядываться назад.

Я понимал её, понимал правильность её слов и доводов — всё так. Тогда почему я всё ещё тут? Почему не могу уйти,

как остальные?

Постепенно эта мысль дала корни в моём сознании, пустила тонкие ростки сомнений. Мой взгляд невольно скользнул по конверту, лежавшему на тумбочке у изголовья кровати. Он был слегка потрёпан, с загнутыми уголками — видно, его не раз брали в руки.

Кэтрин перехватила мой взгляд — и это её снова рассмешило. Смех прозвучал неожиданно звонко, почти по-детски, но в нём чувствовалась древняя, пугающая мудрость.

— Серьёзно? — она приподняла бровь, и её глаза на мгновение вспыхнули алым. — Майкл, ты же влюблён... Так вот что тебя держит здесь! Теперь понятно, почему я не имею над тобой полного контроля. Ты влюблён...

Я перевёл взгляд с Кэтрин на конверт, а затем, словно стыдясь чего-то сокровенного, опустил глаза. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Майкл, — её голос прозвучал мягче, почти печально, но в нём по-прежнему таилась непреклонная сила. — Ты словно ребёнок двух миров: одной ногой стоишь в жизни, что была, но уже стала тенью, другой — в той, что тебе суждена. Ты проживаешь две жизни одновременно — и обе они терзают тебя, разрывая твою душу надвое.

Она сделала шаг ближе, и воздух вокруг задрожал, словно от невидимой вибрации. Её прозрачные пальцы едва заметно мерцали, будто сотканные из лунного света и утреннего тумана.

— Но ты должен выбрать одну, — продолжила она, и в её взгляде, теперь почти человеческом, читалась странная, древняя усталость. — Ту, что даст тебе освобождение. Не избавление от жизни — нет. Освобождение от этой мучительной неопределённости, от вечного балансирования на грани, где нет ни будущего, ни истинного покоя.

Кэтрин подняла руку, словно хотела коснуться моего плеча, но остановилась в дюйме от него. Её аура больше не источала леденящий холод — теперь она напоминала сумеречное небо, где ещё тлеют последние отблески заката.

— Представь, — тихо произнесла она, — что ты стоишь на перекрёстке. По одну сторону — дорога, вымощенная воспоминаниями: смех, слёзы, любовь, боль... Всё, что сделало тебя тобой. По другую — путь, окутанный туманом, но свободный от бремени нерешённых вопросов. Там нет сожалений, нет страха перед будущим — только покой.

Её глаза, прежде бездонные и чёрные, теперь отливали мягким серебристым светом, словно в них отражались далёкие звёзды.

— Ты держишь в себе два сердца, Майкл, — каждое бьётся в своём ритме. Одно тоскует по тому, что было, другое жаждет отпустить. И пока они борются, ты остаёшься здесь — между мирами, между вдохом и выдохом, между «было» и «будет».

Она отступила на шаг, и её фигура начала слегка мерцать, растворяясь в воздухе. Но голос звучал всё так же отчётливо

— проникая прямо в сознание:

— Выбор за тобой. Остаться в плену воспоминаний или шагнуть навстречу освобождению.

Она снова посмотрела на моё безвольное тело, на бледное лицо, застывшее в неподвижности, и произнесла — не как напутствие, а скорее как проклятие, которое останется со мной:

— Майкл, сделай правильный выбор. И чтобы ты не сделал, там я буду ждать тебя... сколько бы времени ни прошло. В каждом закате, в каждом шёпоте ветра, в тишине между ударами сердца — я буду там, чтобы встретить тебя, когда ты наконец решишься.

После этого она исчезла — так же внезапно, как появилась, оставив после себя лишь едва уловимый аромат лаванды и ощущение странной, светлой грусти. Не было ни вспышки света, ни вихря, ни звука. Просто в один миг она была здесь, а в следующий — её уже не существовало. Только иней на стенах начал медленно таять, а лампочка под толчком перестала мерцать, заливая палату ровным, холодным светом.

В палате снова стало тихо — только тиканье часов на стене отсчитывало мгновения, которые теперь казались особенно ценными.

Но едва она исчезла, как в ту же секунду дверь моей палаты распахнулась — будто кто-то с силой толкнул её с той стороны и на пороге возник доктор, наблюдавший за мной

все эти дни. Но вот что странно: он застыл, словно изваяние, не решаясь сделать первый шаг. Плечо его так и осталось приподнятым, рука замерла на ручке двери, а взгляд остекленел, будто время вокруг него остановилось.

Время действительно «заморозилось» — точно сцена из фантастического фильма, где все персонажи застыли в нелепых позах, но не я. Я отчётливо видел каждую деталь: пылинку, медленно кружащуюся в луче света из щели под шторой; едва заметную дрожь пальцев врача; блик на металлической ручке двери. Это длилось каких-то несколько мгновений — может, две или три секунды, — но они растянулись в целую вечность.

Затем мужчина ожил так же внезапно, как замер. Он прошёл сквозь меня — я ощутил мгновенный холодок, будто по коже скользнул сквозняк, — и направился к окну. По пути он бросил короткий взгляд на тело Майкла — моё тело, — которое безнадёжно ждало окончания брэнного странствия по этому миру, чтобы стать пеплом, а затем обычной пылью, ведь впереди его ждал только крематорий...

Врач подошёл к окну, задёрнул шторы — ткань шелохнулась с тихим шуршанием, — и подошёл к моему телу. В руках он держал планшет; пальцы быстро забегали по экрану, выстукивая ритм, который, казалось, отсчитывал последние такты моей земной жизни. Вероятно, он записывал динамику моего состояния — ту самую, что застыла, как трещина в древней, уставшей стене: она замерла, едва заметная, но уже

пронизавшая весь фундамент, готовая в любой миг разверзнуться и обрушить всё, что ещё стояло.

В его глазах читалась пустота, на лице — ничего: ни сожаления, ни надежды, ни тени эмоций. Лишь механическая сосредоточенность человека, выполняющего привычную работу. Он ушёл так же внезапно, как и появился, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Я остался один — в состоянии, когда хочется остановить мир и сойти. Куда? Да куда угодно, лишь бы прекратить этот бессмысленный бег по кругу, эту вечную неопределённость между «было» и «будет».

Мой взгляд снова упал на конверт, лежавший на тумбочке у изголовья. По привычке я протянул к нему руку — и она прошла сквозь него, оставив после себя лишь лёгкое мерцание, будто от разряженного статического электричества. Сам не знаю зачем я это сделал. Мне не нужно было вскрывать его, чтобы прочесть, что там написано. Я знал эти слова наизусть — они отпечатались в памяти, как старый шрам на коже. В них была заключена целая жизнь: воспоминания о смехе, слезах, прикосновениях; обещания, данные под звёздным небом и тишина рассветов. В этих словах таились целые вселенные с их тайнами и смыслом — миры, которые я так и не открыл. Они держали меня на поверхности, подобно тонкому льду, за который я отчаянно цеплялся, чувствуя, как он трескается под весом нереализованных надежд.

«Я скучаю...» — эти слова пульсировали в сознании, как

последний маяк в кромешной тьме. Они были не просто признанием тоски — они были якорем, привязывающим меня к жизни, к любви, к возможности вернуться.

Глава 3 Наперекор судьбе

Если исключить то, что невозможно, то что останется — и будет истиной.

После исчезновения Кэтрин я наконец осознал одну простую истину, как бы банально сейчас она не прозвучала: я, как и любой из нас — не игрушка в руках судьбы, а нечто куда большее. Не оглядываясь, я отправился на тот злополучный перекрёсток — место, что отняло у меня всё: мой мир, мою жену, мою работу, всё, чем я жил, дышал, ради чего вставал по утрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.